

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

С. Е. ФЕДОРОВ

ИДЕНТИТАРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОМ УЭЛЬСЕ ТЕРМИНОЛОГИЯ, ДИСКУРСЫ И СИТУАЦИЯ БИЛИНГВИЗМА¹ (производные от *wēalas* определения)

Статья посвящена анализу идентитарных процессов, протекавших в средневековом Уэльсе в условиях активного для местного населения билингвизма². Сосредотачивая свое внимание на вернакулярных и ориентированных на использование латинских терминов ресурсах, автор стремится определить семантическое поле обозначения «Кутгу», а также используемых за пределами этой традиции латинских определений. Обращая внимание на полисемию термина, автор подчеркивает наличие тенденции на последовательное разграничение вернакулярных и ориентированных на латинские определения языковых ресурсов и как результат – формирующихся на их основе дискурсов. Практики, отталкивавшиеся от такого разграничения, акцентировали его как принципиальное, но при этом неизбежно адаптировались к условиям активного для этого региона Британских островов двуязычия. В этом смысле в основанных на противоположных приоритетах дискурсах могли возникать и возникали поясняющие такие разграничения лексические комбинации, а традиции в свою очередь могли переплетаться. В том случае, когда подобного рода пояснения несли в себе значения внешнего характера (к примеру, производную от *wēalas* терминологию), возникающий таким образом эффект свидетельствовал о дискурсивной аккультурации образованной части туземного населения, но не затрагивал при этом свойственные «валлийскому» дискурсу британские акценты.

Ключевые слова: Средневековый Уэльс, идентитарные процессы, Кутгу, западные бритты, билингвизм, латинский и вернакулярный дискурсы

Отождествление отдельных этнокультурных и этнополитических общностей с географическими пределами острова, было характерно для раннесредневековой истории пиктов, гэлов, а позднее и англосаксов³. При этом за инсулярной фазой обычно следовали определения, лишённые такого обобщенного взгляда, рассчитанные главным образом на «внешнее» использование. Исследования Х. Приса и Р. Дэвиса показали, что валлийская традиция не являлась в этом смысле исключением⁴.

В «Книге из Лландава», составленной на протяжении середины – второй половины XII века, но включающей фрагменты, датированные

¹ Статья написана при поддержке РГНФ (грант 16-01-00108а)

² Публикация является продолжением статьи, опубликованной в предыдущем выпуске журнала. См.: Федоров 2017.

³ Broun 2015 (a) 2015 (б). P.173.

⁴ Pryce 2001; Davies R. 2004.

более ранним периодом,⁵ встречаются две разновидности конструкций, проясняющих смысл ярко выраженных синонимичных параллелей.

С одной стороны, латинские тексты книги закономерно воспроизводят смысловой ряд, в котором «Кумгу» и «Britannia» позиционируются как тождественные в территориальном смысле понятия⁶. Подавляющая часть этих текстов переписаны рукою «А» и датируются 1136–1154 гг.⁷; при этом только один случай был зафиксирован рукою «F_a», датируемой палеографически 1160–1180 гг.⁸ С другой стороны, в латинских текстах присутствует иная параллель, указывающая на произошедший смысловой сдвиг в определении, благодаря которому территория равная современному Уэльсу стала обозначаться с использованием названия “Guallia” (производное от древнеанглийского *wēalas* обозначение). При этом максимальное число употреблений датируется 1136–1154 гг. (рука «А»);⁹ два случая приходятся на период 1160–1180 годов (рука «D»), а еще один на 1154–1175 (рука «B⁵¹»)¹⁰.

Распределение указанных параллелей в «Книге из Лландава» показывает, что практика воспроизведения смысловой связи “Кумгу-Britannia” соответствовала определенному этапу в территориализации этнического самосознания западных бриттов, проживавших в пределах современного Уэльса. При этом речь идет о процессе, протекавшем в условиях сокращения географических пределов когда-то однородного в этническом отношении британского мира. В этой связи упомянутые выше догадки Кормака о существовании единого языка бриттов и факт лингвистической близости (возможно, единства) валлийцев и стратклайдцев, как представляется, могут указывать на частичную аккумуляцию, на начальной стадии которой валлийский язык не воспринимался современниками как самостоятельный¹¹ и оставался неразличимым на уровне понимания в рамках общебриттского языкового субстрата.

Отождествление “Кумгу” и “Britannia”, игравшее на понятном уровне особую роль в коммеморативных практиках и пророчествах западных бриттов вплоть до конца Средневековья, оказывалось в связи

⁵ Davies W. 1974-1976 (рассуждения о датировке: P. 131–132).

⁶ Наиболее ранний случай использования параллели «Кумгу – Britannia» в валлийском и латинском текстах «Привилегии Тейло», вошедшем в «Книгу из Лландава», определяется палеографически как восходящий к периоду 1110–1129 гг. – Davies W. 1974-1976. P. 131–132. Book of Llan Dâv... P. 118 (латинский текст); 120 (валлийский текст).

⁷ Book of Llan Dâv. P. XXIX.

⁸ Book of Llan Dâv. P. 68, 80-81 (tota Guallia), 83, 115, 118, 120, 130, 132-133, 161, 161, 165, 169, 192, 212, 223, 230, 237, 252, 270 (рука «А»); 278 (рука «F_a»)

⁹ Book of Llan Dâv. P. 240, 241, 252-254, 269, 274, 275.

¹⁰ Book of Llan Dâv. P. 87, 278; 2.

¹¹ Fulton 2013. P. 3-19.

с экстерииоризацией инструментально слабой параллелью. Определявший подобную категоризацию прием лишал собственно Кумру желательной спецификации, поскольку акцентировал их бриттское происхождение, указывая на тот тип гентилизации, на который могли претендовать и прочие бриттские народы. При этом в рамках характерных для интерииоризации приемов такая параллель могла оставаться и, как показывает анализ текстов, оставалась вполне востребованным ресурсом. Претензия Кумру на самость и собственно этнический профиль западных бриттов оставались в этом смысле самодостаточными для ориентированного на «внутреннее» потребление дискурса, но размывались, когда, к примеру, возникала потребность к их сопоставлению с проживавшими за пределами современного Уэльса родственными анклавами. Смысловая параллель “Кумру-Guallia” была «усиленным», предназначенным для «внешнего» дискурса приемом и предполагала прежде всего экстерииоризацию самосознания западных бриттов, как правило, в более широком этнокультурном и этнополитическом контексте. При этом после появления обозначения “Guallia” ориентированный на использование латинских обозначений дискурс и основанный на вернакулярных понятиях ресурс уже более никогда не соприкасались¹².

Возникшее в результате разграничение традиций во многом объясняет идентитарные процессы, протекавшие на территории современного Уэльса уже в эпоху зрелого Средневековья и характеризовавшиеся постепенной кристаллизацией собственно валлийского самосознания. Роль внешнего фактора, предопределившего необходимость в экстерииоризации идентитарных процессов, оставалась в этот период весьма значительной. Именно под влиянием этого фактора в созданных на территории современного Уэльса латинских текстах постепенно адаптируются производные от древнеанглийского *wēalas* определения с их четко выраженной направленностью на раздельное использование этнических и территориальных обозначений.

¹² Тенденция к четкому разграничению двух традиций хорошо просматривается на примере датируемых не ранее концом XIII–XIV в. валлийских хроник. В «Хронике принцев» использование обозначение “*Brytaniaid*” (бритты – синоним “*Brython*” в записях до 1135 г. за исключением трех последующих случаев (Peniarth 20: 1191; Red Book of Hergest: 1161-1165 и 1196-1197) сменяется определением “Кумру” в более поздних описаниях (Bryt у *Tuwysogyon*. Peniarth MS 20. Version...; Bryt у *Tuwysogion*...). При этом в «Анналах Камбрии» (*Annales Cambriae*...) обозначение “*Britannia*” регулярно встречается в записях до 1114 г. (версия В), уступая в дальнейших описаниях обозначению “*Wallia*”. При этом в версии С наблюдается иного рода тенденция, связанная с использованием восходящего к Гиральду Камбрийскому термина “*Cambria*”, который тем не менее позиционировался в последующей традиции как синонимичное “*Gwallia*” определение (см. записи, датируемые 1114, 1136, 1163, 1164, 1165, 1166 гг.).

Согласно общепринятой в современной литературе гипотезе, слово “*wealh*” появляется в древнегерманском языке и уже на этой стадии используется как обозначение племени вольков (лат. *Volcae*),¹³ первоначально обитавшего на территории современной Моравии, западнее зоны традиционного проживания бойев, а затем расселившегося в южной Франции, долине реки Эбро и малоазиатской Галатии¹⁴. Применявшийся первоначально для обозначения одного конкретного племени, этот термин позднее стал использоваться для указания на кельтские,

¹³ Кельтский корень **uolco-*, возможно, происходит от индоевропейского **g^{wh}ol-ko*, который в свою очередь был связан **g^{wh}el*. *Dictionary of Continental Celtic Place-Names...* 2010. P. 35.

¹⁴ Обычно отмечают, что в протогерманском языке древнегерманскому *wealh* соответствовала форма **walxaz*, которая одновременно указывает и на первый перебой в согласных (/k/ > /x/), и на изменение /o/ и /a/ на /a/, подтверждая тем самым распространенную в современной литературе датировку такого заимствования. Как правило, исследователи склоняются к мысли, что такое заимствование могло произойти во второй половине I тыс. до н. э., т.е. в период наиболее интенсивного общения германских племен с вольками (Кузьменко 2011. С. 30-31; Oxford Dictionary of English Etymology. P. 999; Kruta 2004. P. 204; Scardigli 2002-2005. Vol. 1. P. 578). История дальнейшего фонологического развития этой формы в древнегерманском языке была связана с рядом последующих изменений. Отмечается, что форма единственного числа именительного падежа, а также корневой гласный **-az* были утрачены еще в дописьменный период. Образовавшаяся к этому времени форма **walx* превращается впоследствии в основу для формирования различных диалектных вариаций произнесения, а затем и написания этого слова. Так, в уэссекском диалекте корневая основа **walx*, испытав на себе влияние первого передвижения гласных (фонема /a/ изменилась на фонему /æ/), и тем самым образовалась форма **wælx*. В свою очередь эта форма подверглась воздействию так называемой дифтонгизации, в ходе которой гласные переднего ряда /æ, e, i/ оказались преломленными перед согласными /l, r, x/ и в результате появления переходного гласного звука /a/ образовали новую форму этого существительного. Это изменение выразилось в том, что первоначально возникший вариант дифтонга /æi/ изменился на /æa/, определив окончательную фиксацию последующего краткого дифтонга <ea> с передне-задним скольжением. Иными словами, фонема /æ/ в существительном **wælx*, дифтонгизируясь перед сочетанием согласных /lx/, образовывала новую форму *wæalx*, написание которой соответствовало известным по более позднему времени формам именительного и творительного падежей существительного «*wealh*» (Hogg. *A Grammar of Old English*. 1992-2011. Vol. I. § 520). Известно, что фонема /x/ обычно оглушается в речи после согласных и перед закорневыми гласными при склонении существительных. При этом более позднее удлинение приходится на предшествующую гласную или же сам дифтонг (Campbell. *Old English Grammar*. §241), образуя тем самым искомую основу *wæal-* вместо устаревшей к этому времени *wæalx-*. Если принять во внимание происходившие таким образом изменения, то базовые формы единственного и множественного числа для существительного *wealh* в западноанглийском (уэссекском) диалекте будут выглядеть следующим образом: nominative: *wealh / wēalas*; accusative: *wealh / wēalas*; genitive: *wēales / wēala*; dative: *wēale / wēalum*. В восточноанглийских диалектах ситуация с эволюцией фонологии понятия за некоторыми исключениями повторяла описанную. Lass 1994. § 6.11.

а затем и италийские племена, говорившие, как известно, на очень схожих и родственных языках и, судя по всему, воспринимавшихся именно тогда без строгих лингвистических отличий. После того, как область применения этого обозначения была расширена до характеристики находившихся в зоне непосредственного контакта с германцами романских народов, он получил дополнительное значение¹⁵.

Вся совокупность соприкасавшихся с германскими племенами народов приобрела оттенок чужеродности, ее смысловые границы, как представляется, оставались сугубо лингвистическими, а за самим термином закрепилось определение «инородец». При этом оба значения были не только взаимосвязаны, но и выполняли самостоятельную роль в различных языковых и культурно-исторических ситуациях¹⁶. Использование этого термина в значении «инородец» определялось не столько благодаря дистанции или же границам сопредельных территорий (в таком случае значение «чужеземец» было бы уместнее), сколько его соотносительностью с определенной родственной группой, говорившей на отличавшем ее от германцев языке¹⁷. Обозначение применялось ис-

¹⁵ Континентальная эволюция значений этого термина обстоятельно исследована: Weisberger 1948. S. 87-146.

¹⁶ Оттенки, так или иначе указывающие на прямую или косвенную связь отдельных слов и словосочетаний, содержащих в своей основе *wealh*, с этнической сферой – явление вполне очевидное для древнеанглийского языка. Выделяется относительно небольшая группа сложных слов, в которых *wealh(h)*- обычно указывается на определенное качество инаковости, в некоторых случаях диковинного происхождения обозначаемых таким образом предметов и явлений. Значительная часть этих оттенков характерна для понятий, обозначающих различные формы как растительного мира (*wealh-moge* [морковь], другие виды посевного пастернака, *wealh-wurt* [бузина дикая]. *An Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary...* P. 89), так и животного мира (*wealh hafoc* для обозначения диковинных для Британии хищных птиц: *Ælfrics Grammatik und Glossar...* S. 307.). Подчеркиваемая при этом органическая и генетическая инородность обозначаемого, как правило, дополнительно указывала на его связь с *romanitas* и в этом смысле содержала известное противопоставление традиционным атрибутам англосаксонского мира (*wealh-hnutu* [грецкий орех], завезенный на Британские острова переселенцами, противопоставлялся более привычному для англосаксов фундуку [*hæselhnutu*]. *Old English Dictionary online. s.v. «wulnut»* (www.lexilogos.com/english))

¹⁷ Такого рода тенденция сохраняется и среди островных англов и саксов. Ряд примеров свидетельствует о наличии слова “*wealhstod*”, которое в своем первоначальном смысле указывало на человека, обладавшего знанием древнеанглийского и языка *Wēalas* (первоначально – языка бриттов, а только потом – валлийцев) и, следовательно, способного выступать в качестве посредника (переводчика) между двумя этническими группами. Wright 1884. Vol. I. col. 86, 60; *An Etymological Dictionary of the English Language...* Vol. 2. P. 562; Bosworth, Toller. *Anglo-Saxon Dictionary*. P. 1174. Известны также два случая, когда данное слово использовалось в качестве имени духовного лица. Речь идет об епископе Герефорда (729-734), возглавлявшем диоцез, который располагался в зоне максимального смешения бриттов

ключительно к тем родственным, лингвистически обособленным группам, которые проживали в пределах Римской империи и, следовательно, по формальным признакам считались туземным населением¹⁸. Словарные статьи, фиксируя варианты употребления этого термина, выделяют наиболее характерные для них значения (иностранец – кельт, валлиец), но опускают не менее принципиальные для эволюции понятия смысловые оттенки (соплеменник вольков (вольк) – житель Римской империи – носитель различных кельтских и/или, но отчасти, сначала италийских, а затем и романских языков). При этом независимо как от объема воспроизводимых в словарных статьях значений, так и от предпочтений, согласно которым выстраивается основная эволюция самого термина, лексикографы указывают в качестве конечных две позиции – «валлиец» (без отмечаемого Х. Кларком и Д. Ричардом оттенка)¹⁹ и «раб»²⁰. Область применения этих значений, сформировавшаяся в условиях средневекового британского мультилингвизма, но оставшаяся за пределами интересов Х. Приса и Р. Дэвиса²¹, сыграла решающую роль не только в дискурсивной аккультурации²² западных бриттов.

и саксов, а также об имени одного из монахов Линдисфарна (685) – монастыря, находившегося также в местности активного контакта между северными бриттами и англами. Searle. *Onomasticon Anglo-Saxonicum*... P. 481. Д. Толкин указывает на одно любопытное с этой точки зрения заимствование в валлийском языке, выраженное в форме “gwalstawt”, ставшее в конечном счете обозначением человека, владеющего всеми островными, в том числе и бриттским, языками. Tolkien 1963. P. 25. М. Фолл, ссылаясь на перевод Альфреда «Попечения о душе» Григория Великого (King’s Alfred’s West-Saxon Version... P. 7.), приводит пример, когда римляне, обладавшие навыками перевода с греческого и иврита на латынь, именовались в нем как “*ðurh wise wealhstodas*”, позволяющий говорить о последующем расширении первоначального значения слова. Faull 1975. P. 26.

¹⁸ Watkins 1966; Kortlandt 1981; Jenkins 1990. P. 55.

¹⁹ Значение «срамник» фиксируется в глоссариях древнеанглийского языка исключительно для формы “walana”, смысл которой передается, к примеру, у Алдхельма, латинским эквивалентом “proteruorum”. Langenove 1941. P. 10. В этом плане пояснения Кларка и Ричарда следует отнести к аномальным значениям. См.: *Old English Glosses*... 1900. P. 135; *The Old English Glosses* 1974. P. 481. Более любопытными с точки зрения возможных смыслов, закрепившихся за производными от *wealas* словами, являются примеры, которые можно почерпнуть из глосс, сохранившихся в рукописях XI–XIII вв. Так, например, латинское слово “barbarous” в его исходном и широко известном смысле передавалось как “walch siue ungerad”. При этом прилагательное “ungerad” традиционно понималось как грубый, необученный, глупый и невежественный. Wright 1884. Vol. I. col. 29, 361.

²⁰ Bosworth, Toller. *Anglo-Saxon Dictionary*. P. 1173 (иностранец (foreigner), буквально – кельт..., бритт, валлиец..., римлян..., раб..., слуга); Holthausen 1921. S. 389 (иностранец (fremder), раб, бритт, валлиец). Clark, Richard. *A Concise Anglo-Saxon Dictionary*. P. 399 (иностранец, раб, бритт, валлиец (с оттенком “срамник”).

²¹ Pryce 2001; Davies R. 2004. P. 45-64.

²² Fulton 2011. P. 145-171.

Не менее значимыми были последствия, связанные с развитием особых форм и вариантов их употребления в историко-культурной традиции, ориентированной на латиноязычную и соответствующую ей терминологию, и, как представляется, позволяющие противопоставлять оформлявшийся таким образом дискурс другому, по мнению исследователей, собственно «валлийскому» дискурсу. Благодаря вытеснению сервильного элемента в определении “*wealth*” к концу XI в.²³ и сужению семантического поля в обозначении рабства до значений, обычно связываемых с понятиями “*rgæl*” и “*esne*”²⁴, ориентированные на ситуацию би-лингвизма формы саморепрезентации западных бриттов приобретут особый характер. Речь идет прежде всего о том, что характерные для западных бриттов идентитарные связи будут выстраиваться с использованием различных языковых ресурсов. Интериоризация – процесс, направленный «на себя» или же «на себе подобных» будет развивать вернакулярный дискурс. Напротив, экстериоризация потребует мобилизации более универсальных лингвистических средств (сначала латынь, а затем, но намного позднее – английский язык).

Характер и специфика каждого из дискурсов отражала еще, по меньшей мере, два существенных момента, непосредственно связанных с последующей эволюцией кельтского мира после крушения Римской империи. С одной стороны, речь идет о постепенной аккультурации, затем исчезновении очагов кельтской культуры и, как следствие, носителей кельтских языков на континенте. С другой – существенной оказывается динамика этнических процессов собственно на территории Британских островов и более конкретно – на самом крупном острове архипелага. Романизация кельтских групп на континенте, как представляется, сместила культурный центр кельтского мира на территорию Альбиона, превратив его, прежде автономный инсулярный вариант, в единственно актуальный. *Adventus Saxonum*, став причиной масштабной аккультурации местного кельтского населения в восточной, юго-западной и центральной областях бывшей римской провинции, почти не затронул очаги кельтской культуры в ее западной и северо-западной части. Мир бриттов или собственно бритты – *wēalas*, как теперь их называли англосаксы, предельно сузился сначала до границ этих территорий, а затем после падения бриттского Алт Клута в XI в. стал, как уже отмечалось, исключительно «валлийским» по своей сути.

Наиболее показательными с точки зрения интересующей нас эволюции являются случаи употребления *wealth* и его производных в Англосаксонской хронике, содержащихся в ее составе поэтических тек-

²³ Faull 1975. No. 8. P. 20-44. (об эволюции социального значения термина: P. 26-31, 35)

²⁴ Pelteret 1995. P. 34, 43, 51-53, 70, 319-22, 325, 327.

стов («Битва при Брунанбурге», «Смерть Эдуарда»), связанных с нею фрагментов (Анналы Рочестера) и «Ордонасах, касающихся народа на холмах» (*Dunsæte*),²⁵ включая сохранившиеся королевские и частные хартии. Все встречающиеся в этих текстах варианты употребления дериватов, образованных от или с помощью *weal(h)*, соотносятся с реалиями, среди которых отношения между различными народами, населявшими территорию Британских островов, занимают особую роль.

В наиболее ранних из описываемых в хронике эпизодов *wealth* используется в тех случаях, когда речь идет главным образом о группах кельтских племен, населявших территорию римской провинции, но без естественного для более предметных сообщений уточнения. Так, в одной из записей отмечается, что «в этот год Клавдий, король римлян, переправился в Британию, покорил этот остров и сделал пиктов и *wēalās* [в данном случае по смыслу – бриттов] подвластными римскому королевству»²⁶. *Wēalās* употребляется и в сложных словах, причем, несмотря на присутствие в тексте хроники таких форм как “*Galwalas*”, обозначающей континентальных галлов²⁷, все прочие составные дериваты используются в основном для указания на островные этнические группы. Среди такого рода указаний различаются два варианта обозначения бриттского населения при помощи сложносоставных слов. Первый указывает на присутствие в языке хрониста определенного синонимического ряда, когда сложные по составу термины разнообразят лексику повествования, но не создают при этом дополнительных значений. Примером может служить понятие «*Bretwēalās*» (*Brytwalas*), заменявшее более простое определение «бритты»²⁸ и в этом смысле не привносившее ничего семантически существенного по сравнению с более привычной формой «*wēalās*».

Напротив, в использовании таких сложных дериватов как ‘*Nordwēalās*’, ‘*Stræcledwēalās*’, ‘*Westwēalās*’, ‘*Cornwealan*’ наблюдается противоположная тенденция, связанная с конкретизацией историко-

²⁵ Die Gasetze der Angelsachsen... Bd. 1. S. 374-378; Noble 1983. Vol. 114. (англ. перевод: P. 105–109).

²⁶ ASC MSC P. 46. (аналогичное употребление: P. 29 (473, 477), 30 (485, 495 гг.), 35, 36, 39, 46 (743, 753 гг.), 53, 54, 74, 76, 79, 84, 107, 110, 116, 118; ASC MSE. P. 3, 17 (465, 473, 477, 485 гг.), 18, 22 (597, 605 гг.), 23 29, 35, 37 (743, 753 гг.), 44, 45. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

²⁷ ASC MSE. P. 3, 12, 26, 30, 34; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8: MS. F. P. 381.

²⁸ The Anglo-Saxon Chronicle...: A Collaborative Edition. Vol. 3: MS. A. P. 32. (далее – ASC MSA); ASC MSC P. 41, 47; ASC MSE. P. 3, 8, 9, 16, 21, 33, 38. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

культурной и территориальной специфики той или иной кельтской, но при этом островной языковой группы.²⁹ Практически во всех известных случаях такого рода уточнения относятся к более поздним по времени сюжетам и совпадают так или иначе с периодом создания самой хроники, отражая при этом не только изменившуюся к концу X – началу XI в. социальную реальность, но и более полные знания саксов об этнической специфике острова.

Появление сложных по своему составу обозначений различных групп кельтского населения Британии указывало на еще одну особенность понятийного аппарата саксонских хронистов. Отсутствие в их арсенале аналогичных по характеру терминов, обозначающих туземное население Уэльса, могло свидетельствовать и об известном сужении семантического поля самого понятия “wēalas”, и о его избирательном использовании в связи с этой группой бриттского населения острова. При этом обозначение прочих родственных западным бриттам образований сопровождалось использованием префиксов, облегчавших их идентификацию и уточнявших их этнокультурную и, как правило, территориальную дислокацию.

Отсутствие префиксов в словообразованиях, уточняющих ту или иную форму в определении западных, могло указывать и, по всей видимости, указывало на использование иного рода лексических и грамматических приемов, служивших для менее очевидной конкретизации используемых в хронике значений. В отдельных, относящихся к X–XI вв. фрагментах наблюдается известный сдвиг, связанный с удвоением смысла не только предлогов (в частности предлога *on*)³⁰, используемых для указания на направление движения, но и следовавших за ними определений. Так, например, в фразе «Ætelflæd sende fyrde on Wealas» (916 г.) смысл выражения «*on Wealas*»³¹ мог одновременно указывать и на «валлийцев» (буквально – «к валлийцам»), к которым Этелфледа, королева Мерсии (ум. 918), направила свои войска, и на Уэльс (буквально – в Уэльс), который ожидала такая же участь³².

Показательна в этой связи и практика использования в качестве прилагательного производной от “wealas” формы “wielisc” или

²⁹ ASC MSA. P. 58, 69; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 6: MS. D. P. 19; ASC MSC. P. 65, 88; 61 (Stræcled wēalas); 54, 56, 68 70, 88; The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Vol. 8: MS. F. P. 75; ASC MSE. P. 45, 47, 62, 85; 50 (Strætledwelas); 44, 45; 62. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

³⁰ Bosworth, Toller. Anglo-Saxon Dictionary... P. 744-746.

³¹ ASC MSC. P. 76, (аналогичное употребление: P. 84, 116).

³² Только в одном случае – запись 1046 г. используется выражение «into Wealan», обозначающее направление движения в Уэльс. Ibid. P. 109.

“*wylisc*”³³. Так, в пассаже, повествующем о прибытии ирландских кораблей «*on Wylisce Axa*» сообщается об ущербе, нанесенном их экипажам Гриффидом ап Ридерхом (ум. 1055), «*waeliscan cynges*»³⁴. Поскольку и сам Гриффид, и упоминаемый в пассаже Уск (Аха) имели прямое отношение к Уэльсу, то использование формы «*wylisc*» могло одновременно указывать и на их связь с определенной этнической группой, и на их сопричастность заселенной этой группой территории. При этом означала ли фраза «*on Wylisce Axa*» географическое или же территориальное положение этого города, а «*waeliscan cynges*» – этническое происхождение упоминавшегося в пассаже монарха или же наоборот речь шла о короле Уэльса и принадлежавшем валлийцам городе – судить достаточно сложно. Так или иначе, но употребление *wielisc* подразумевало амбивалентность описываемой ситуации, допускавшей известное «переключение» смысла между присутствующими в тексте этнически и территориально окрашенными обозначениями. Акцент на территориальной составляющей определения был в практике использования различных форм *wēalas* новацией и отражал, как представляется, сугубо островную специфику.

Тексты королевских хартий и договоров, сконцентрированные, как правило, на регулировании локальных явлений и событий, используют *wēalas* в связи с обозначением тех языковых групп, среда обитания которых была первоначально связана не только с территорией современного Уэльса, но и с Девонем, и Корнуоллом³⁵. Так, в одном из наиболее ранних примеров употребления этого термина – тексте завещания Альфреда (849–901) перечисляется ряд владений, которые король передает после своей смерти младшему сыну. Речь идет о землях, принадлежавших королю «*on Wealcynne*». М. Лапидж и С. Кейнис, исходя из упоминаемых в тексте завещания топонимов, справедливо переводят это выражение как «у корнуолльцев», подтверждая тем самым отсутствие у саксов этого времени строгого разграничения не только между различными островными кельтскими группами, но и собственно между «валлийскими» и иными юго-западными территориями³⁶.

В тексте договора «*Dunsæte*» (вторая половина X в.) ситуация, казалось бы, меняется, поскольку речь идет о разграничении зон влияния

³³ Ibid. P. 29, 114, 115, 116, 117; ASC MSE. P. 106, 108, 117, 121. Данные приводятся без исключения повторяющихся записей с тем, чтобы показать устойчивость традиции независимо от переписчика/ов.

³⁴ ASC MSC. P. 69.

³⁵ Ibid. P.84.

³⁶ Подобно этому тексту, хартия Эдреда (923-955) также использует выражение «*on wealut*» при обозначении месторасположения земель вокруг Pendyfig (a), который находился в Корнуолле. Любопытен также пример подобной амбивалентности: Sawyer 552 // The Electronic Sawyer... (<http://www.sawyer.uk>)

(юрисдикции) по реке Уай, служившей на определенном участке естественной границей между саксонскими (английскими) и собственно валлийскими владениями. Но какой смысл вкладывался в выражение «*wealhdeode readboran*» и были ли эти советники – советниками «от валлийцев», однозначно судить затруднительно³⁷. При этом употребление в тексте договора двух взаимозаменяемых определений *wealh* и *wylsic* для обозначения «валлийцев», в известной степени указывает не только на те же закономерности, что были характерны для отдельных пассажей «Англосаксонской хроники», но и в принципе на существование основной на схожих принципах традиции.

Как показали Х. Прис и Р. Дэвис, именно эта традиция и характерный для нее дискурс определили контекст использования производных от *wēalas* обозначений в латинских текстах, начиная с середины XII в.³⁸ Поскольку весь объем сохранившихся памятников относится исключительно к официальным, ориентированным на «внешнее» восприятие текстам и при этом неизвестны случаи вернакулярного транскрибирования восходящих к саксонским свидетельствам обозначений, практика употребления таких определений может характеризовать уникальный процесс. Связанный, как представляется, с формами репрезентации западно-бриттских правителей и подвластной им территорий, ориентированными на внешнюю (в основном – английскую, реже – континентальную³⁹ аудиторию), такой процесс указывал на дискурсивную аккультурацию, судя по всему, весьма ограниченной части туземного населения, проживавшего на территории современного Уэльса. При этом ориентированный на «внутреннее» потребление дискурс продолжал воспроизводить использующие бриттский контекст терминологические ресурсы и оставался в этом смысле консервативным и ретроспективно оформленным. Вопрос о том, под влиянием каких факторов произошло отделение значений *Kumry* и образовался самостоятельный, зафиксированный в валлийских словарях комплекс обозначений, остается открытым и нуждается в дальнейшем специальном исследовании.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи. Лингвистика, археология, генетика. СПб., 2011.
- Федоров С.Е. Идентитарные процессы в средневековом Уэльсе. Терминология, дискурсы и ситуация билингвизма // Диалог со временем. 2017. Вып. 61. С. 25-40.
- Kuz'menko Yu.K. Rannie germantsy i ikh sosedi. Lingvistika, arkhеologiya, genetika. SPb., 2011.
- Fyodorov S.E. Identiarnui processui v srednevekovom Yelse // Dialog so vremenem. 2017. Vuip. 61. S. 25-40.

³⁷ Die Gasetze der Angelsachsen... Bd. 1. S.375-376.

³⁸ Pryce 2001; Davies R. 2004. P. 48-64.

³⁹ Pryce 1998.

- A Dictionary in Englyshe and Welshe Moche Necessary to All Suche Welshemen As Will Spedly Learne the Englyshe Tögue Thought Vnto the Kynges Maiestie ... in Wales: Wherevnto Is Pfixed a Litle Trea. Imprynted at London in Foster Lane, by me John Waley, 1547. London: Printed for the Cymmrodorion society by T. Richards, 1877. 182p.
- Alfrics Grammatik und Glossar: Text und Variaten / Ed. J. Zupitza. Berlin: Weidmann, 1966. 332 p.
- An Eighth-Century Latin-Anglo-Saxon Glossary Preserved in the Library of Leiden University (Ms. Voss. Q^o Lat. N°. 69) / Ed. J. Hessels. Cambridge: CUP, 1890. 308 p.
- Jones A. Darogan. Prophecy, Lament and Absent Heroes in Medieval Welsh Literature. Cardiff: Wales University Press, 2013. 334 p.
- An Etymological Dictionary of the English Language / Ed. W.W. Skeat. 2Vols. Oxford: Clarendon Press, 1879 – 1882. Vol. 2. 780 p.
- Annales Cambriae / Ed. J. Williams ab IteI. London: Longman & Green, 1860.172 p.
- Asser's Life of King Alfred / Ed. W. Stevenson. Oxford: The Clarendon Press, 1904. 368 p.
- Book of Llan Dâv / Ed. J. Rhys and J.G. Evans. Oxford: Clarendon Press, 1883. 428 p.
- Bosworth J., Toller T. Anglo-Saxon Dictionary. Oxford: Clarendon Press, 1882. 1316 p.
- Broun D. Britain and the Beginning of Scotland. Sir Jonh Rhÿs Memorial Lecture // Journal of the British Academy.2015 (a). Vol. 3. P.107-137.
- Broun D. Rethinking Scottish Origins // Barbour's Bruce abd its Cultural Context. Politics, Chivalry and Literature in Late Medieval Scotland/ Ed. S. Boardman and S. Foran. Woodbridge: Boydell & Brewer, 2015 (b). P. 163-190.
- Bryt y Tywysogion, or The Chronicle of the Princes. Red Book of Hergest Version / Ed. T. Jones. Cardiff: Gwasg Prifysgol Cymru, 1973. 246 p.
- Bryt y Tywysogyon. Peniarth MS 20. Version/ Ed. T. Jones. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 1941. 225 p.
- Campbell A. Old English Grammar. Oxford,: Clarendon Press 1959. 423 p.
- Clark H., Richard J. A Concise Anglo-Saxon Dictionary Cambridge: Cambridge University Press, 1960. 567 p.
- Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250 / Ed. E. Tylor. Turnhout: Brepolis, 2011. 368 p.
- Davies J. Liber Landavensis: Its Date and the Identity of its Editor // Cambrian Celtic Studies. 1998. Vol. XXXV. P. 1-11.
- Davies R. The Identity of Wales in the Thirteenth Century // From Medieval To Modern Wales. Historical Essays in Honour of Kenneth O. Morgan and Ralph A. Griffiths / Ed. R. Davies & G. Jenkins. Cardiff: Wales University Press, 2004. P. 45-64.
- Davies W. Braint Teilo // Bulletin of the Board of Celtic Studies. 1974-1976. Vol. XXVI. P. 123-137.
- Dictionary of Continental Celtic Place-Names: A Celtic Companion to the Barrington Atlas of the Greek and Roman World / Ed. A. Falileyev et al. Aberystwyth: CMCS Publications, 2010. 285 p.
- Die Gasetze der Angelsachsen / Ed. F. Liebermann. 3Bds. Halle: S., M. Niemeyer, 1903-1916. Bd. 1. 667 S.
- Faull M. The Semantic Development of Old English wealth // Leeds Studies in English. 1975. No. 8.
- Fulton H. Negotiating Welshness: Multilingualism in Wales before and after 1066 // Conceptualizing Multilingualism in Medieval England, c. 800 – c. 1250 / Ed. E. Tylor. Turnhout: Brepolis, 2011. P. 145-171.
- Fulton H. The Status of the Welsh Language in Medieval Wales // The Land beneath the Sea Essays in Honour of Anders Ahlqvist's Contribution to Celtic Studies in Australia Ed. P. O'Neill. Sydney: Celtic Studies Foundation, University of Sydney Press, 2013. P. 3-19.
- Hogg R. A Grammar of Old English. 2 vols. Oxford: Wiley-Blackwell, 1992–2011. Vol. I: Phonology. 364 p.
- Holthausen F. Altsächsisches Elementarbuch / Germanische Bibliothek. Bd. 5. Heidelberg: Carl Winter, 1921. 260 p.

- Hunter J. Soffestri'r Saeson. Hanesyddiaeth a Hunaniaeth yn Oes y Tuduriaid. Caerdydd: Gwasg Prifysgol Cymru, 2000. 160 p.
- Hunter J. The Literary Nation: Textual Construction of Welsh Nationhood c. 1282 to 1997 // Proceedings of the Harvard Celtic Colloquium. 1999. Vol. 18 (19). P. 73-144.
- Isaac G. Armes Pydain Fawr and St David // St David of Wales: Cult, Church and Nation / Ed. J.W. Evans & J.M. Wooding. Woodbridge: Boydell Press, 2007. P. 161-184.
- Jackson K. Language and History in Early Britain. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1953. 752 p.
- Jackson K. Two Early Scottish Names // Scottish Historical Review. 1954. Vol. XXIII. P. 16-18.
- Jenkins D. Gwalch: Welsh // Cambridge Medieval Celtic Studies. 1990. Vol. 19.
- Kortlandt, F. More Evidence for Italo-Celti // Ériu. 1981. Vol. 32. P. 1-22.
- King's Alfred's West-Saxon Version of Gregory's Pastoral Care / Ed. H. Sweet. L.: EETS, 1871. 288 p.
- Kruta V. Celts: History and Civilization. London: Hachette Illustrated UK, 2004. 240 p.
- Lass R. Old English: A Historical Linguistic Companion. Cambridge: CUP, 1994. 324 p.
- Life of St Cadog // Vita Sanctorum Britanniae et Genealogiae / Ed. A. Wade-Evans. Cardiff: Wales University Press, 1944. P. 24-142.
- Langenove G. van. Adhelm's De Laudibus Virginitatis with Latin and Old English Glosses. Bruges: Bruges, 1941. 342 p.
- McManus D. Linguarum Diversitas: Latin and the Vernaculars in Early Medieval Britain // Peritia. 1983. Vol. 3. P. 151-188.
- Noble F. Offa's Dyke Reviewed / Ed. by M. Gelling // British Archaeological Reports. British Series. 1983. Vol. 114. 34 p.
- Old English Glosses: Chiefly Unpublished / Ed. A. S. Napier // Anecdota Oxoniensia, Mediaeval and Modern Series. Vol. 11. Oxford: Clarendon Press, 1900. 432 p.
- Oxford Dictionary of English Etymology / Ed. C. Talbot et al. Oxford: Clarendon Press, 1966. 1042 p.
- Pelteret D. Slavery in Early Mediaeval England. Woodbridge: Boydell, 1995. 395 p.
- Phillimore E., Edwards W. The Settlement of Brittany // Y Cymmrodor. 1892. Vol. XI. P. 42-100.
- Pryce H. British or Welsh? National Identity in Twelfth-Century Wales // English Historical Review. 2001. Vol. 116. P. 775-801.
- Pryce H. Owain Gwynned and Louis VII // Welsh History Review. 1998. Vol. 19. P. 1-28.
- Searle W. Onomasticon Anglo-Saxonicum: a List of Anglo-Saxon Proper Names from the Time of Beda to that of King John. Cambridge: Cambridge University Press, 1897. 601 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 3: MS. A: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices/ Ed. J. M. Bately. Cambridge: Brewer, 1986. 126 p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 5: MS. C: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. K. O'Brien O'Keefe. Cambridge: Brewer, 2001. 124p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 6: MS. D: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices/ Ed. G. P. Cubbin. Cambridge: Brewer, 2001. 123p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 7: MS E: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. S. Irvine. Cambridge: Brewer, 2004. 174p.
- The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Volume 8: MS. F: A Semi-Diplomatic Edition with Introduction and Indices / Ed. P. S. Baker. Cambridge: Brewer, 2000. 158p.
- The Old English Glosses of MS. Brussels, Royal Library 1650 / ed. by L. Goossens // Verhandelingen van de Koninklijke Academie voor Wetenschappen, Letteren en Schone Kunsten van België, Klasse der Letteren. Bd. 74. Brussels: Paleis der Academiën, 1974. 61 lp.
- Watkins C. Italo-Celtic Revisited // Ancient Indo-European Dialects / Ed. H. Birnbaum and J. Puhvel. Berkeley, 1966. P. 29-50.
- Weisberger L. von. Walhisk. Die geschichtliche Leistung des wortes welsch // Rheinische Vierteljahrs-blätter. 1948. Jahr. 13. S. 87-146.
- Wright T. Anglo-Saxon and Old English Vocabularies. 2 vols. L.: Rogan, 1884. Vol. I. 883 p.
- The Electronic Sawyer / Online Catalogue of Anglo-Saxon Charters (<http://www.sawyer.uk>).

Федоров Сергей Егорович, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского государственного университета; *s.fedorov@spbu.ru*

The Identity processes in Medieval Wales. Terminology, Discourses, and Context of Bilingualism (Wēalas-based nomenclature)

The evidence of written records and literary texts reveals a complex network of cultural and linguistic negotiations in Medieval Wales and England, in which the terms of ethnicity and subsequent discourses were formed and furthered. Diglossic combinations played a role of a crucial indicator of binary split between the vernacular and Latin language resources. Bilingualism, which indicates the native viewpoint on ethnicity and occupied territory, is hard to separate from a more general historical context where instead of the absent terms “Wales” and “the Welsh” prevailed the “Britain” and the “Britons”. Aimed at analysis of the semantic field of “Kymry”, the article concentrates on the formation of both the vernacular and Latin discourses and shows how its meaning was crystalized through their interaction. Treating British rhetoric as pervading much of the corpus of vernacular literature, the author underlines that ethnic and territorial definitions became clearer only after an introduction of wēalas based terminology. Limited to the exterior discourse these clarified meanings were not overriding and did not cross its line.

Keywords: Medieval Wales, Welsh identity, Kymry, western Britons, bilingualism, Latin and vernacular discourses

Sergei Fyodorov, PhD., Professor of Medieval History Department, St. Petersburg State University; s.fedorov@spbu.ru